

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/66/11

Д. В. Марьин

Алтайский государственный университет, Барнаул

**Жанр «письма к вождю»
в литературном наследии В. М. Шукшина**

Представлен анализ текстов эпистолярия В. М. Шукшина в жанре «письмо к вождю», а также рассказов писателя, в которых реализованы элементы данного жанра на формальном, содержательном или интертекстуальном уровнях. «Письмо вождю» – жанр достаточно распространенный для эпистолярного наследия советских писателей второй половины XX в. Есть такие примеры и в эпистолярии Шукшина. Но «письмо к вождю» на уровне авторского мировоззрения и художественного мира его произведений есть отправная точка на пути эволюции к новому жанру шукшинского рассказа. Отчаявшись искать Правду у «вождей», В. М. Шукшин в итоге создал новый жанр на стыке документа и художественной прозы – документальный рассказ, ярким примером которого является «Кляуза» (1974) – одно из последних произведений писателя. Однако документальный рассказ ориентирован на другого адресата, нежели «письмо к вождю», – на народ.

Ключевые слова: русская литература XX века, творчество В. М. Шукшина, эпистолярное творчество, художественная проза, литературные жанры.

Хотя частные, деловые письма не включаются в число литературно-художественных жанров, их изучение в рамках литературоведения (особенно, если речь идет о письмах известных поэтов и писателей) оправдано. «Частное письмо, не являясь жанром художественного текста, включается в класс культурных текстов. Несмотря на автобиографизм, письмо преодолевает узость и замкнутость частного документа. Литературная обработка жизненного факта, происходящая в письме, отражает эстетическую работу художника» [Мелешенко, 2004, с. 8]. Эту точку зрения поддерживает и А. А. Елистратова: «Определить грань между письмом как средством передачи информации и как способом самовыражения довольно сложно» [Елистратова, 1973, с. 309]. О необходимости исследовать эпистолярный в литературоведении писал и известный французский философ Ж. Деррида, заметивший однажды, что письмо – «не жанр, но все жанры сразу, сама литература» [Derrida, 1987, p. 48]. По мнению американского литературоведа Оливера

Марьин Дмитрий Владимирович – доктор филологических наук, начальник управления информации и медиакоммуникаций, доцент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета (пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия; dvmaryin@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 1
© Д. В. Марьин, 2019

Харриса, «предсказывая конец письму, Деррида провозглашает новое начало изучению эпистолярия» [Harris, 2001, p. 158].

Эпистолярное наследие В. М. Шукшина достаточно обширно. В восьмой том наиболее полного на сегодня собрания сочинений писателя включено 153 письма [Шукшин, 2014, т. 8, с. 214–309]. Однако еще по меньшей мере 50 писем Шукшина находятся в частных архивах и пока не опубликованы по разным причинам.

С точки зрения жанровой типологии шукшинский эпистолярный жанр, несмотря на сравнительно небольшое число доступных исследователям текстов, весьма разнообразен. Это и деловые письма, которые включают субжанры: рекомендательные, просительные, поздравительные, благодарственные, письма-сообщения; и личная переписка с такими субжанрами, как дружеские, любовные, просительные, рекомендательные, поздравительные, благодарственные, утешительные, письма-сообщения (более подробно см.: [Марьин, 2015, с. 93–95]).

Предметом рассмотрения в настоящей статье является такая жанровая разновидность эпистолярия В. М. Шукшина, как «письмо к вождю», лежащая вне пределов представленной нами выше типологии. Согласно Е. В. Суровцевой данный эпистолярный жанр существовал в СССР в эпоху 1920–1980-х гг. «“Письмо к вождю”, являясь жанром эпистолярным, имеет нередко помимо этого черты публицистического выступления, официального документа (например, заявления, ходатайства) юридической речи (с обвинительной или защитной функцией)» [Суровцева, 2006, с. 30]. «Письмо вождю» – жанр, достаточно распространенный для эпистолярного наследия советских писателей второй половины XX в. «Письма вождю» писали А. Солженицын, В. Войнович, С. Злобин, В. Высоцкий, В. Некрасов, М. Шолохов, А. Твардовский и др. В качестве адресатов выступают генеральные секретари ЦК КПСС, министры, высокопоставленные партийные деятели. В письмах этого жанра ведется разговор о важных философских, политических и творческих проблемах, отсюда в текстах нередко используется философская и общественно-политическая лексика, реже – профессиональная терминология; им присуща точность выражений и смысловых акцентов, образность (даже наглядность), в большинстве случаев – известный лаконизм (как бы в знак понимания занятости адресата) [Суровцева, 2010, с. 6–7, 28–31]. «Письмо вождю» имеет свои субжанры: письмо-жалоба/просьба/оправдание, письмо-декларация, письмо-инвектива, письмо-памфлет [Там же, с. 42–43].

Исследование этого вопроса позволяет не только заполнить лакуны в биографии Шукшина, уточнить круг его адресатов, делового и личного общения, но и лучше понять отношения писателя и кинорежиссера с политическим истеблишментом СССР 1960–1970-х гг. Более того, возможно именно в шукшинских письмах к вождям содержатся фактология сюжетов, интертекстуальные связи и, возможно даже, претексты художественных произведений писателя.

Отношение В. М. Шукшина к властям предержащим нельзя назвать однозначным. Как и многие интеллигенты в СССР в постсталинскую эпоху писатель в своем восприятии власти «прошел через полосу кризисов и разочарований» [Куляпин, 2014, с. 141]. По мнению А. И. Куляпина, в художественных произведениях писателя возникает ситуация, когда «в пространстве власти нет места для правды» [Там же, с. 144]. Герои Шукшина чаще всего находят правду не в приемной райкома, где все напоминает театр, а в сельской чайной, где «маски сбрасывают или срывают» [Там же, с. 143]. «Путь из коридоров власти в чайную или к ларьку героями Шукшина проторен основательно» [Там же, с. 146]. Данные тезисы исследователя могут быть дополнены не только фактами биографии Шукшина, но и материалом его эпистолярных работ.

Известно, что в молодости Василий Шукшин старался походить на Сталина [Варламов, 2014, с. 68], был активным комсомольцем в Сростках и затем во ВГИКе. Однако постепенно происходит охлаждение доверия писателя к власти, ее пред-

ставителям, идеологическим идолам. Временную границу этого перелома, как нам видится, можно достаточно точно отследить. В черновом наброске 1964 г. к статье о фильме «Живет такой парень» Шукшин сначала в качестве духовных лидеров русской интеллигенции укажет фамилии идеологов социализма: «Маркс, Ленин, Белин<ский>», а затем зачеркнет, заменив новыми именами: «Пушкин, Белинский, Толстой» [Шукшин, 2014, т. 9, с. 24]. Разочарование в личности «отца народов» нашло отражение в близкой по времени рабочей записи, датированной 1966 г.:

Истинно великих людей определяет, кроме всего прочего, еще и то, что они терпят рядом с собой инакомыслящих. Гитлер и Сталин по этой статье не проходят туда [Там же, с. 314].

Критические оценки государственной власти сохранили и другие шукшинские рабочие записи:

Ни ума, ни правды, ни силы настоящей, ни одной живой идеи!.. Да при помощи чего же они правят нами? Остается одно объяснение – при помощи нашей собственной глупости. Вот по ней-то надо бить и бить нашему искусству. <...> В нашем обществе коммуниста-революционера победил чиновник-крючок. <...> Государственный деятель с грустным лицом импотента [Там же, с. 317, 328].

В эпистолярии В. М. Шукшина отношение писателя к власти и ее представителям лучше всего раскрывается в «письмах к вождю». Среди эпистолярных документов В. М. Шукшина есть примеры «письма к вождю»: это письмо к П. Н. Демичеву, условно датированное июлем 1973 г., и письмо к Н. А. Щёлокову¹ [Шукшин, 2014, т. 8, с. 292, 288]. И Щёлоков, и Демичев были адресатами не одного «письма к вождю», написанного советскими литераторами [Суровцева, 2010, с. 8]. Оба они относятся к категории вождей, чей «облик сводится только к служебной функции» [Там же, с. 91], т. е. образ адресата по письмам к нему восстановить практически нельзя. Письмо к Н. А. Щёлокову от 29 марта 1973 г. написано В. Шукшиным совместно с Г. Крыловым, директором кинокартины «Калина красная», и содержит исключительно просьбу к министру о выделении в распоряжение съемочной группы консультанта «который подробно будет знакомить творческую группу с атмосферой преступного мира, различными материалами и т. д., а также окажет практическую помощь в решении различных организационных вопросов», и о разрешении съемок некоторых сцен будущего фильма на территории одной из подмосковных колоний [Шукшин, 2014, т. 8, с. 288].

Письмо к П. Н. Демичеву, датированное июлем 1973 г., более сложно и в жанровом, и в содержательном отношении. В. М. Шукшин ранее, до написания письма, по крайней мере, дважды уже обращался к П. Н. Демичеву с просьбой. В заявлении от 23 февраля 1971 г. на имя секретаря ЦК КПСС Шукшин просит содействия в решении вопроса о выделении ему «жилплощади, которая дала бы возможность работать в необходимой для этого творческой обстановке как писателю, кинорежиссеру и актеру» [Там же, т. 9, с. 125–126]. П. Н. Демичев тогда помог: в 1972 г. В. М. Шукшин получил четырехкомнатную квартиру на ул. Бочкова, где и прожил последние два года жизни. Как следует из текста письма, Шукшин также бывал у Демичева «на приеме (по поводу фильма “Странные люди” и насчет постановки “Разина”» [Там же, т. 8, с. 292]. Упоминание о прежней личной встрече –

---

¹ Щёлоков Николай Анисимович (1910–1984), генерал-полковник, в 1968–1982 гг. – министр внутренних дел СССР. Демичев Петр Нилович (1918–2010) – советский партийный и государственный деятель. В 1961–1974 гг. – секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР в 1962–1966 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС с 1964 г., в 1974–1986 гг. – министр культуры СССР.

один из законов жанра «письма к вождю» [Суровцева, 2010, с. 93]. С помощью такого нехитрого приема автор расширяет объем присутствия в тексте важного деятеля.

Жанр данного эпистолярного документа можно определить как «письмо-жалоба/просьба/оправдание» – самый распространенный субжанр «письма к вождю» [Суровцева, 2010, с. 43]. В номинации данного субжанра семантические компоненты, разделенные косой линией, носят взаимодополняющий и факультативный характер. Компонент «оправдание» в шукшинском тексте не задействован, но в отличие от письма к Н. А. Щёлокову кроме просьбы здесь содержится и жалоба. Автор прежде всего просит высокопоставленного чиновника помочь ему в публикации романа «Я пришел дать вам волю» в издательстве «Советский писатель», сначала принявшем рукопись к рассмотрению, а потом застопорившем работу над ней. В силу этого в письме Шукшина явно содержится и жалоба в отношении директора издательства Н. В. Лесючевского, который, по словам Василия Макаровича, «прямо не говорит», но постоянно откладывает издание романа. Заметим, что это единственный случай жалобы в эпистолярной алтайской литературе. На этот раз П. Н. Демичев помочь ничем не смог или не захотел, и роман в «Советском писателе» так и не вышел. Подобный исход дела в целом коррелирует с традицией художественного творчества Шукшина.

В художественной прозе В. М. Шукшина письмо в адрес партийного руководителя (или другого крупного административного работника) несет в основном негативные коннотации. В литературном сценарии «Посевная кампания» (1960) анонимное «письмецо, написанное крупными буквами с наклоном влево» [Шукшин, 2014, т. 1, с. 259] первому секретарю Березовского райкома партии Байкалову об измене жены Ивлева явно имеет отрицательную авторскую оценку. Письмо-жалобу, напоминающее по содержанию донос, отправляет «Секретарю РК КПСС тов. Дорофских Ф. И.» и Лёля Селезнева с факультета журналистики в одноименном рассказе (1962):

Федор Иванович! Виноват во всем Анашкин. Когда он был председателем, ему были отпущены деньги на ремонт паромы, но денежки эти куда-то сплыли. Я бы на вашем месте наказала Анашкина со всей строгостью. Лёля Селезнева [Шукшин, 2014, т. 1, с. 153].

При этом жалоба Лёли Селезневой – итог ее бесплодных попыток написать «клишированную» статью об аварии на паромной переправе и последующей ликвидации ЧП. Как пишет А. И. Куляпин, «герои “октябрьских” рассказов («Лёля Селезнева...») впервые был опубликован в 1962 г. в журнале «Октябрь». – М. Д.) писателя практически всегда являются носителями политических стереотипов своей эпохи, включая идеологию тоталитарную и репрессивную» [Куляпин, 2012, с. 16].

«Письма к вождю» в «Красно-Холмский райисполком» с требованием переименовать переулочек, названный когда-то в честь проживавшего здесь попа, арестованного в 1930-е гг., пишет герой рассказа «Мужик Дерябин» (1974) пенсионер Афанасий Дерябин, подделывая их под «анонимку» и детское письмо от имени пионеров. Оба письма Дерябина обращаются к штампам сталинского времени, показывая, что время доносов даже в 1970-е гг. еще не ушло. «По тому, как “складно” и “убедительно” выходят два письма в разных стилях, можно предположить, что главный герой и раньше не брезговал подобными методами “информирования”, надевая каждый раз новую маску» [Бровкина, 2007, с. 180]. Однако оперативная реакция властей предрежающих (что свидетельствует о действительности доносов [Там же]) не соответствует ожиданиям Дерябина. Переулочек решено переименовать не в честь него, а в Кривой, что звучит насмешкой над чаяниями доносчика и нивелирует его труды и изобретательность.

Как к репрессивному органу относился к власти сам Шукшин уже в 1967 г., что следует из его письма к В. И. Белову (декабрь 1967 г.):

Дали мне, ты знаешь, премию (РСФСР) – за «Ваш сын и брат». Торжественное такое вручение! Куча красивейших дипломов, золотой знак на грудь... Банкет. С банкета я куда-то еще поехал (денег тоже много дали – 1 200 р.), ночь... В общем, я все те дипломы потерял. Знак на груди остался. Жду последствий: найдутся где-нибудь дипломы, их переправят в Верх.<овный> Совет, а там мне скажут: «Вы так-то с Государственной премией обращаетесь? Вы член партии?» Черт знает, что будет. Мне и выговора-то уже нельзя давать – уже есть стр.<огий> с занесением в уч.<етную> к<арточку>. Главное, такие штуки долго потом мешают работать [Шукшин, 2014, т. 8, с. 267].

И хотя в 1970-е гг. в своей художественной прозе Шукшин «доводит проблему власти политических стереотипов над человеком до абсурда, и тем самым смещает разговор в игровую сферу» [Куляпин, 2012, с. 17], мы видим, что его «письмо к вождю» – письмо к П. Н. Демичеву – содержит элементы репрессивного сознания тоталитарной эпохи.

Но верил ли сам Шукшин в то, что власть прислушается к его просьбе? Сомнение в этом рождает письмо к В. Н. Виноградову, датированное июнем 1972 г. (т. е. почти за год до письма к П. Н. Демичеву). В. Н. Виноградов, кинорежиссер, одноклассник В. М. Шукшина по ВГИКу, летом 1972 г. был уволен с центрального телевидения (объединения «Экран»). В утешительном письме к однокласснику Шукшин дает такой совет: «Не ходи к прокурору и не пей. Все бесполезно, все – от отчаяния» [Шукшин, 2014, т. 8, с. 282]. Поздний Шукшин, как видим, уже не верил ни в коридоры власти, ни в правду чайной или ларька. Вполне очевидно, что, отправляя в июле 1973 г. письмо к П. Н. Демичеву, режиссер и писатель уже не верил в возможность позитивного решения возникшего конфликта с руководством издательства «Советский писатель».

Письма-жалобы (как субжанр «письма к вождю») в прозе писателя не решают проблему, не приводят ее к гармонизирующему финалу (разрыв Ивлева с женой неизбежен, паром починен без вмешательства секретаря райкома), а лишь являются катализатором, который форсирует ее протекание, и, очевидно, играют вспомогательную роль в сюжетостроении, подводя читателя к кульминации и скорой развязке произведения.

Характерно то, что почти все «письма к вождю» в прозе Шукшина (кроме письма Лёли Селезневой и пионеров, переписавших текст Дерябина и подписавшихся под ним) – анонимные. В данном аспекте предельно странным выглядит письмо автора, без сомнения, соотносимого с «я» самого писателя, в наброске к рассказу под условным названием «<Письмо>» (1968) [Там же, т. 9, с. 35–37], который по мысли Д. Гивенса должен был композиционно завершать цикл «Из детских лет Ивана Попова» [Shukshin, 1996, р. 237–239]. Автор, будучи пятнадцатилетним юношей, пишет «первое письмо любимой» [Шукшин, 2014, т. 9, с. 35]. Но что за текст перед читателем? Здесь нет признаний в любви и клятв верности – привычных атрибутов любовного письма. Фактически перед нами – анонимный донос любимой девушке на самого себя:

Слушай, Мария, – писал я, – ты что, с этим Иваном П. начала дружить? Ты с ума сошла! Ты же не знаешь этого парня – он надсмеется над тобой и бросит. Его надо опасаться, как огня, потому что он уже испорченный. А ты девочка нежная. А у него отец родной – враг народа, и он сам на ножах ходит. Так что смотри. <...> Ты никогда не узнаешь, кто это тебе писал, но писал знающий человек. И он желает тебе только добра [Там же, с. 37].

Есть все основания считать, что в наброске воспроизведено реальное письмо В. М. Шукшина к М. И. Шумской, первой жене писателя: в разговоре с автором данной работы, состоявшемся в октябре 2007 г. в Сростках, Мария Ивановна подтвердила этот факт.

Мотивы, которые двигали автором письма, объясняются в рассказе, но выглядят почти метафизически. Письмо должно было оградить будущую жену автора от несчастья:

Много лет спустя Мария, моя бывшая жена, глядя на меня грустными, добрыми глазами, сказала, что я разбил ее жизнь. Сказала, что желает мне всего хорошего, посоветовала не пить много вина – тогда у меня будет все в порядке. Мне стало нестерпимо больно – жалко стало Марию, и себя тоже. Грустно стало. Я ничего не ответил. А письмо это я тогда не послал [Шукшин, 2014, т. 9, с. 37].

Автор, как будто, спустя много лет оправдывается перед оставленной им женщиной, вину перед которой он, видимо, чувствовал всю жизнь. А. Д. Заболоцкий вспоминает: «Он (т. е. Шукшин. – М. Д.) говорил, что одну женщину обманул он, остальные обманывали его» [Заболоцкий, 2014, с. 36]. Так или иначе письмо демонстрирует в очередной раз и умение автора имитировать чужой стиль (в данном случае – грубо-разговорный с элементами уголовного жаргона), и знание технологии доноса.

По сути шукшинские «письма к вождю», реальные и вымышленные, могут быть охарактеризованы как кляузы. Напомним, кляуза – «мелочная придирчивая жалоба, донос, наговор» [Словарь русского языка, 1982, т. 2, с. 62]. Нельзя не увидеть в этом случае мотивную связь рассмотренных нами текстов с одним из последних документальных рассказов Шукшина «Кляуза» (1974), которому он придавал особое значение («Так мне стали нравиться документальные рассказы!» – писал Василий Макарович В. И. Белову 6 февраля 1974 г. [Шукшин, 2014, т. 8, с. 295]). И хотя нельзя рассказ «Кляуза» с жанровой точки зрения соотносить с письмом, свою роль послания он выполнил². По воспоминаниям А. Д. Заболоцкого, когда решался вопрос о месте захоронения Шукшина, «сообщили Косыгину, он спросил: “Это тот Шукшин, который о больнице написал?” Речь шла о “Кляузе”» [Белов, Заболоцкий, 2002, с. 136], т. е. высшее руководство страны шукшинский посыл получило. Однако «Кляуза» в отличие от «письма к вождю» – жанра, как мы видели, хорошо освоенного писателем, ориентирована на совершенно другого адресата – народ.

Отчаявшись искать правду у «вождей», В. М. Шукшин создал новый жанр на стыке документа и художественной прозы. Совсем не случайно в финале рассказа «Кляуза» именно к широкому читателю он обращается с вопросом: «Что с нами происходит?»

Список литературы

Бровкина Ю. Ю. Мужик Дерябин // Творчество В. М. Шукшина: Энцикл. слов.-справ. Т. 3. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 179–181.

---

² Косвенно посыл «Кляузы» был удовлетворен. Сам В. М. Шукшин содержание рассказа определил так: «Это про то, как один лакей разом, с ходу уделал 3-х русских писателей» [Шукшин, 2014, т. 8, с. 295]. Неуважение «больничных» властей к писателю благодаря вмешательству А. Н. Косыгина, а затем и Л. И. Брежнева, смягчено демонстрацией уважения со стороны «кремлевской власти», правда посмертно: В. М. Шукшин, несмотря на первоначальный запрет, все-таки был похоронен на Новодевичьем кладбище рядом с великими деятелями культуры и политики [Белов, Заболоцкий, 2002, с. 136].

- Белов В. И., Заболоцкий А. Д. Тяжесть креста. Шукшин в кадре и за кадром. М.: Сов. писатель, 2002. 176 с.
- Варламов А. Н. Рассказы о Шукшине // Литературная учеба. 2014. № 4. С. 16–70.
- Елистратова А. А. Эпистолярная проза романтиков // Европейский романтизм / Отв. ред. И. Неупокоев, И. Шетер. М.: Наука, 1973. С. 309–351.
- Заболоцкий А. Д. Не сыграть, а прожить // Покров. 2014. № 10(526). С. 32–37.
- Куляпин А. И. Творческая эволюция В. М. Шукшина: Моногр. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2012. 204 с.
- Куляпин А. И. Пространство власти в произведениях В. М. Шукшина // Литературная учеба. 2014. № 4. С. 141–146.
- Марьин Д. В. Несобственно-художественное творчество В. М. Шукшина: системное описание: Моногр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 389 с.
- Мелешенко Е. В. Письма Ф. М. Достоевского в контексте исследования личности и творчества писателя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 29 с.
- Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. 2. 1982.
- Суровцева Е. В. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 50-е годы): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 201 с.
- Суровцева Е. В. Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). М.: АИРО-XXI, 2010. 128 с.
- Шукшин В. М. Собрание сочинений: В 9 т. / Под общ. ред. Д. В. Марьина. Барнаул: Барнаул, 2014.
- Derrida J. The Post-Card: From Socrates to Freud and Beyond. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987. 552 p.
- Harris O. Out of epistolary practice: E-mail from Emerson, post-cards to Pynchon // American Literary History. 2001. No. 13(1). P. 158–168.
- Shukshin V. Stories from a Siberian Village. DeKalb: Northern Illinois Univ. Press, 1996. 256 p.

D. V. Maryin

*Altai State University
Barnaul, Russian Federation, marin@email.asu.ru*

The genre “a letter to a leader” in the literary heritage of V. M. Shukshin

The paper considers the works of V. M. Shukshin, the famous Russian writer and film director. The author analyses the epistolary texts in the genre of “a letter to a leader” as well as the stories involving the elements of this genre on the formal, content or intertextual levels. In the prose of V. M. Shukshin, the letter to the party leader (or another major administrative worker) bears mostly negative connotations, as in the literary script “Planting season” (“Posevnaya kompaniya”) (1960), short stories “Lyolya Seleznova from the Faculty of journalism” (“Lyolya Seleznova s fakul'teta zhurnalistiki”) (1962) or “The man Deryabin” (“Muzhik Deryabin”) (1974). The main appeal of the author of the letters to the representatives of state power here is the appeal to repressive force. Nevertheless, considering the level of the author's worldview and the artistic world of the works in the aspect of the creative evolution of Shukshin, “a letter to a leader” is the starting point on the path to the new genre of the Shukshin's story. Desperate to seek the Truth from the “leaders,” V. M. Shukshin eventually created a new genre at the interface of the document and artistic prose – a documentary story, a vivid example of which is “Slander” (“Kl'auza”) (1974), one of the last Shukshin's short stories. However, the documentary story is focused on a different addressee than a “letter to a leader” – on the people.

Keywords: Russian literature of the 20th century, the work of V. M. Shukshin, epistolary creativity, prose, literary genres.

DOI 10.17223/18137083/66/11

References

- Brovkina Yu. Yu. Muzhik Deryabin [Man Deryabin]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: Entsikl. slov.-sprav. T. 3* [Creative works of V. M. Shukshin: encyclopedic dictionary–reference book. Vol. 3]. Barnaul, Altai State Univ. Publ., 2007, pp. 179–181.
- Belov V. I., Zabolotskiy A. D. *Tyazhest' kresta. Shukshin v kadre i za kadrom* [The burthen of the cross. Shukshin on and behind the scenes]. Moscow, Sov. pisatel', 2002, 176 p.
- Derrida J. *The Post-Card: From Socrates to Freud and Beyond*. Chicago, Univ. of Chicago Press, 1987, 552 p.
- Elistratova A. A. *Epistolyarnaya proza romantikov* [Epistolary prose of romantics]. In: I. Neupokoev, I. Sheter (Eds). *Evropeyskiy romantizm* [European romanticism]. Moscow, Nauka, 1973, pp. 309–351.
- Evgen'eva A. P. (Ed.). *Slovar' russkogo yazika: V 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 Vols]. Moscow, Rus. yaz., 1981–1984. Vol. 2. 1982.
- Harris O. *Out of Epistolary Practice: E-Mail from Emerson, Post-Cards to Pynchon*. In: *American Literary History*, 2001, no. 13(1), pp. 158–168.
- Kulyapin A. I. *Prostranstvo vlasti v proizvedeniyakh V.M. Shukshina* [The space of power in the works of V. M. Shukshin]. In: *Literaturnaya uchoba*. 2014, no. 4, p. 141–146.
- Kulyapin A. I. *Tvorcheskaya evolyutsiya V. M. Shukshina: Monogr.* [The creative evolution of V. M. Shukshin: Monogr.]. Ishim, IGPI im. P. P. Ershova, 2012, 204 p.
- Mar'in D. V. *Nesobstvenno-khudozhestvennoe tvorчество V. M. Shukshina* [Non-fiction creative works of V. M. Shukshin]. Barnaul, Altai State Univ. Publ., 2015, 389 p.
- Meleshenko E. V. *Pis'ma F. M. Dostoevskogo v kontekste issledovaniya lichnosti i tvorchestva pisatelya* [Letters of F. M. Dostoevsky in the context of researching the personality and creativity of the writer]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Barnaul, 2004, 29 p.
- Surovtseva E. V. *Zhanr "pis'ma k vozhdyu" v totalitarnuyu epokhu (1920–50-e godi)* [The genre of "letters to the leader" in the totalitarian era (1920–50th)]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2006, 201 p.
- Surovtseva E. V. *Zhanr "pis'ma k vozhdyu" v sovetskuyu epokhu (1950–1980-e gg.)* [The genre of "letters to the leader" in the soviet era (1950–80th)]. Moscow, AIRO-XXI, 2010, 128 p.
- Shukshin V. M. *Sobranie sochineniy: V 9 t.* [Collected works: in 9 vols]. Barnaul, Barnaul, 2014.
- Shukshin V. *Stories from a Siberian Village*. DeKalb, Northern Illinois Univ. Press, 1996, 256 p.
- Varlamov A. N. *Rasskasi o Shukshine* [Stories about Shukshin]. *Literaturnaya ucheba*. 2014, no. 4, p. 16–70.
- Zabolotskiy A. D. *Ne sygrat', a prozhit'* [Not to play, but to live]. *Pokrov*. 2014, no. 10(526), pp. 32–37.